

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Г. В. КОЛШАНСКИЙ

ФУНКЦИИ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Социальное поведение человека при всем разнообразии конкретной исторической обстановки обусловлено в первую очередь возможностью общения людей при помощи языка. Вербальная коммуникация является в этом смысле условием существования человека и общества, дающим ему возможность развивать свое материальное производство как основу всякой жизни.

Язык является первичной естественной формой выявления мыслительного процесса человека. В этом смысле язык является единственным, а, следовательно, и достаточным средством выражения мышления.

Необходимость включения в той или иной форме в сферу лингвистического исследования факторов, непосредственно сопровождающих речь, в современном языкознании отчетливо была выражена в «Тезисах Пражского лингвистического кружка», в которых концепция функционального подхода к языку естественно требовала расширения понятия средств языкового общения. «Следует систематически изучать жесты, сопровождающие и дополняющие устные проявления говорящего при его непосредственном общении со слушателем, жесты, имеющие значение для проблемы лингвистических региональных союзов...»¹ — настоятельно подчеркивается в тезисах.

Теоретически мыслимая возможность, так сказать, коммуникация в стерильных условиях, сопряжена с созданием чисто логического языка, где условие однозначности структуры должно строго определять характер информации, независимо от любых внешних условий². Изучение процессов вербальной передачи информации поэтому всегда должно опираться как на языковые, так и на смежные неязыковые факторы (или, как писал Балли, артикулируемые и неартикулируемые знаки), сопровождающие вербальную коммуникацию.

Два плана языковой информации выделяет, например, Р. Диксон, а именно значение внутреннее (internal) и внешнее (external), причем первое он относит к самому тексту, а второе к ситуации. Только при учете их корреляции можно извлечь из языковой структуры действительное значение.

Несмотря на текучий характер внешних обстоятельств, существуют некоторые стереотипы ситуаций, которые сопровождают тот или иной тип коммуникации, определяют то или иное конкретное содержание акта коммуникации. В процессе развития языка участие сопутствующих обстоя-

¹ Сб. «Пражский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 25.

² См., например, требования к логическому языку у Дж. Брауна: 1) максимальная доступность; 2) нейтральность; 3) простота; 4) полнота; 5) однозначность (J. C. Brown, Loglan — a logical language, Gainesville, 1966).

тельств при коммуникативном процессе может быть типизировано, и на уровне некоторого обобщения эти факторы могут быть постоянно закреплены в конкретной сфере языкового общения, в результате чего образуется симбиоз интра- и экстралингвистических характеристик речевого акта. В живое речевое общение вплетено множество обстоятельств, сопровождающих как целое высказывание, так и его фрагменты, причем внеязыковые факторы лишь сопутствуют речи, но не заменяют ее и не получают самостоятельного существования. Экстралингвистические факторы играют вспомогательную роль, а для языка всегда открыта возможность использовать для сообщения только собственные средства³. Экстралингвистические факторы, сопровождающие речевое общение, и представляют собой сферу паралингвистики.

Вообще паралингвистический аспект релевантен только в сочетании с изучением вербального общения. Случаи так называемого неязыкового общения лежат вне сферы паралингвистики, на стыке психологии с физиологией и этнографией⁴.

Естественный процесс объединения имманентно-языковых и внеязыковых факторов, сопутствующих однозначной передаче информации, может быть объяснен в принципе двумя причинами: первая причина — определенная избыточность выбора вербальных средств, вторая причина — материальная конкретность коммуникативного процесса. По естественной необходимости эти два фактора должны были бы быть объединены в процессе развития языка. Характер этого объединения, однако, весьма своеобразен, так как он не образует некоторого органического соединения интра- и экстралингвистических факторов, а является по существу своему объединением, лежащим на поверхности языка. Экстралингвистический фактор не включен и не может быть включен в структуру языка, так как система языка функционирует имманентно и в принципе не нуждается в каких-либо дополнительных средствах для выявления коммуникативного содержания.

Однако возможная избыточность языка при полном вербальном раскрытии какого-либо содержания снимается в естественных условиях путем элиминирования чисто языковых средств и одновременного включения в коммуникацию экстралингвистических средств, подкрепляющих абсолютную однозначность конкретного речевого акта. Так как «противошумовая» гарантия в естественном языке создается за счет наличия более чем достаточного набора выразительных средств всех уровней (фонетика, лексика, грамматика), то участие паралингвистических средств в коммуникации имеет двойственный характер — с одной стороны, именно существование паралингвистических способов выражения коммуникации делает возможным употребление «свернутых» словесных фраз, а с другой, — они же служат компенсирующим фактором речи.

Несмотря на некоторые трудности отграничения экстралингвистики от паралингвистики все же можно с большой определенностью утверждать, что область экстралингвистических факторов затрагивает функционирова-

³ В данном случае не рассматриваются два явления, которые могли бы свидетельствовать о несколько иной роли внеязыковых факторов: 1) язык глухонемых, где сущность жестов и символов может трактоваться двояко—и как первичная (собственно языковая) система, и как вторичная (код-заместитель); 2) язык жестов у некоторых народов, который, однако, может рассматриваться как символическая система вторичного происхождения, существующая на базе естественного языка. Ср: R. Kleinpaul, *Sprache ohne Worte*, Leipzig, 1888 (reprint: The Hague — Paris, 1972).

⁴ См., с одной стороны: R. Kleinpaul, *Das Leben der Sprache und ihre Weltstellung*, Leipzig, 1893, а с другой — A. Barbra, *Non-verbal communication*, «The journal of communication», 1963, 3; R. Fox, *The cultural animal*, «Social science information», IX, 1, 1970.

ние и развитие всей системы языка в целом, а именно: взаимодействие жизни общества и языка, культуры народа и языка, влияние межнациональных связей на язык, все социолингвистические явления, соотношение материальных предметов и обозначений (номинации), в то время как паралингвистические факторы затрагивают каждый раз лишь конкретное высказывание, участвуя в формировании однозначного содержания речевого акта. К паралингвистике поэтому относятся как факторы субъекта, так и ситуационные явления: предметное окружение в момент говорения, выделение, подчеркивание с помощью различных движений и указаний говорящего ситуационных маркеров. Различие между этими сферами паралингвистики можно было бы еще провести с учетом того, что вторая является своего рода внешним фоном, а первая — средством выражения для самого человека. Необходимо предварительно заметить, что в данном случае имеются в виду факторы субъекта, паралингвистические (по своему происхождению, а не по качеству), ибо к характеристике субъекта будут относиться все виды признаков его физической (биологической) природы, не используемые в сфере паралингвистики. Объектом паралингвистики являются не только звуковые характеристики речи (фонация), но и те динамические и статические маркеры, которые вовлекаются в формирование конкретного речевого акта.

В зависимости от условий общения в устной или письменной форме паралингвистические способы компенсации речевого акта могут быть подвижными или неподвижными (ср., с одной стороны, движение руки, пожимание плечами, а с другой — движущиеся знаки, разнообразные знаки мультипликационного типа, простое расположение предметов, простые обозначения в тексте, символы). Внеязыковые средства, участвующие в коммуникации, и есть те паралингвистические условия, которые влетают в языковое общение. В этом смысле паралингвистический аспект отличается от просто экстралингвистических факторов тем, что он определяет языковое общение каждый данный раз на конкретный момент коммуникативного акта, т. е. он имеет силу в чисто синхронном срезе. В отличие от этого, экстралингвистический фактор в вышеуказанном смысле более проявляется в процессе развития языка в тех или иных социальных условиях. Имманентная лингвистика рассматривает язык вне всякой связи в историческом аспекте с экстралингвистическими факторами.

Следовательно, понятие паралингвистики наиболее тесно примыкает к имманентной лингвистике в области, где изучаются реальные условия акта общения. Но, как было сказано выше, эти реальные условия общения в большей своей части стереотипизируются и в обобщенном виде могут быть представлены как некоторая модель функционирования языка при участии всей совокупности паралингвистических средств. Вполне естественно, что изучение языка в его внутренней структуре, в поведении его элементов в рамках знаковой системы, а в целом — семиотической системы должно быть тесно увязано с моментом взаимодействия этой семиотической системы с другими системами, где функционирование знаков также построено по законам соотношения означающего и означаемого. В связи с этим задачей паралингвистики является изучение возможного свертывания структуры высказывания в условиях реального общения и анализ внеязыковых элементов, служащих опорой для эксплицитного развертывания конкретного высказывания при восприятии языкового сообщения.

Проводя разграничительную линию между интра-, экстра- и паралингвистикой, необходимо отделить еще одну область, затрагиваемую языковым общением. Речь идет о передаче в процессе коммуникации некоторой информации, характеризующей не само высказывание и не ситуацию, связанную с содержанием высказывания. Имеется в виду характеристика

самого субъекта, производящего речевой акт. Характеристика субъекта, в данном случае относящаяся к внеязыковым данным, к области личности, например, характер голоса (тембр, тон), особенности артикуляции (например, шепелявость, грассирование и т. д.), ни в коей мере не может быть включена в структуру высказывания, поскольку эти факторы не имеют никакого отношения к содержанию коммуникации.

Указанное обстоятельство является чисто биологической характеристикой субъекта, присущей ему как физическому лицу, а не как автору сообщения о некотором событии и явлении. Другими словами, в содержание и структуру высказывания не может быть подключен ни один из признаков самого субъекта, обнаруживаемых в физическом процессе речепроизводства. Характеристика субъекта в данном случае вообще не может являться областью какого-либо лингвистического исследования в связи с тем, что она лежит вне параметров системы и структуры языка и представляет собой объект изучения в науках, имеющих дело с человеком как физическим объектом (биология, медицина и т. д.).

К паралингвистическим средствам должны быть отнесены лишь те функционально оправданные физические состояния говорящего субъекта, которые необходимы для восполнения пробелов в вербальной коммуникации. В этом смысле область паралингвистики — это не «сверхязыковой остаток» (А. И. Смирницкий), т. е. не та сфера, которая дополняет функцию речевого высказывания, другими словами, не та сфера, в которой происходит распознавание высказывания по оценке говорящего индивидуума в связи с его физическими данными. Паралингвистика — не есть «остаток», вычитаемый из языковой системы, а функциональный компонент речевой системы, релевантный по-особенному в каждом конкретном речевом общении.

Для обозначения особой дисциплины, которая изучает семиотику телодвижений, все чаще употребляется термин «кинесика». Кинесика в этом случае будет изучать все непаралингвистические телодвижения. Собственно паралингвистические средства вычленяются из сферы экстралингвистики, как было сказано выше, на том основании, что они представляют собой некоторую подсистему конвенциональных средств.

По мнению некоторых авторов, все виды неязыковой человеческой коммуникации могут быть объединены в категорию более общего порядка, как, например, зоосемиотика. В пределах зоосемиотики так или иначе должна быть выделена антропосемиотика, как ее обозначает Т. Себеок⁵, в которой зоосемиотические моменты будут играть роль подсистемы.

Нельзя не согласиться с тем, что неязыковые коммуникативные системы человека являются подчиненными, вторичными системами. Однако, несмотря на самое разнообразное их происхождение, они по своей функции лишь примыкают к языку, используются языком и декодируются с помощью языка. В этом смысле все паралингвистические средства могут быть объединены только по своей функции, т. е. по функции участия в формировании информации речевого высказывания, а не по своему материальному статусу. Одни и те же материальные формы «неязыкового поведения» (non-verbal behavior) человека, с одной стороны, должны быть отнесены к паралингвистике, а с другой стороны, к любой другой отрасли науки (например, к генетике и т. д.). С этой точки зрения, например, изучение жестов может быть и биологическим, и культурно-историческим, и этнографическим, и паралингвистическим⁶.

⁵ См.: Th. A. Sebeok, *Semiotics and ethology*, «Approaches to animal communication», The Hague — Paris, 1969, стр. 209.

⁶ См., например: Е. М. Верещагин, *Вопросы теории речи и методики преподавания иностранных языков*, М., 1969, гл. 4.

Понятие паралингвистики есть прежде всего функциональное понятие и поэтому самое паралингвистику следует определять как вспомогательную область лингвистики, изучающую функциональное использование неязыковых средств для формирования конкретного речевого высказывания⁷. Простое соположение разных коммуникативных систем, например, вербального и «жестового» языка, не в состоянии дать лингвистическое истолкование функционального взаимодействия этих разноприродных явлений и приведет лишь к обычному семиотическому описанию, скажем, жестовых движений человека с самым разнообразным назначением⁸.

Вообще тенденция, особенно заметная в более ранних трудах, в какой-то степени ограничить паралингвистику просто некоторыми формами человеческого поведения объяснима первоначальным стремлением исследователей рассмотреть паралингвистические средства, принадлежащие только человеку как производителю речевого акта.

На наш взгляд, существенным для языковой информации является способ использования человеком любых неязыковых средств, другими словами, не субстанция этих средств, а функциональное их преобразование в процессе речи. Субстанциональный фактор здесь вторичен, он подчинен функциональному. Существенным для лингвистики является исследование способов включения посторонних для языка средств в процессе рече-производства (вспомогательных факторов, функционально входящих в акт коммуникации). Соотношение фонетической, лексической и грамматической структуры речевого акта с неязыковыми средствами, способствующими формированию однозначно воспринимаемого речевого сообщения, и есть важнейший объект изучения раздела науки — паралингвистики. Паралингвистика поэтому не может быть отраслью науки, изучающей просто ситуации и поведение человека, она должна ставить себе задачу непосредственно лингвистического истолкования неязыковых факторов применительно к конкретной структуре речевого высказывания, функциональных связей, возможностей, границ, типов этих факторов и их взаимодействия с языковой структурой.

Конечно, несмотря на первостепенность функционального подхода к паралингвистическим явлениям, вспомогательная классификация их по субстанциональной природе может быть целесообразной. В этом плане необходимо прежде всего различие двух видов паралингвистических явлений — явлений, связанных с говорящим субъектом, и явлений, связанных с внешними по отношению к субъекту факторами (ситуация).

Эти неязыковые факторы представляют собой некоторую семиотическую подсистему, которая непосредственно связана с чисто языковой коммуникацией и которая включается в сферу вербального общения, хотя связь этой подсистемы с собственно языковой системой является не органической, а симбиозной. Назначение паралингвистических средств определяется опосредованным включением этих средств в акт высказывания и

⁷ Ср. в этой связи определение: паралингвистика — «область, изучающая явления, сопровождающие вообще всякую языковую деятельность» (Г. М. Н и к о л а е в а, Б. А. У с п е н с к и й, О новых работах по паралингвистике, ВЯ, 1965, 6, стр. 116).

⁸ См., например, в этой связи работу З. М. Волоцкой, Т. М. Николаевой и др. «Жестовая коммуникация и ее место среди других систем человеческого общения» в кн. «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем», М., 1962. В этой работе авторы рассматривают как равноценные типы коммуникативного поведения, как равноценные коды двигательную активность человека (оптический код), пластические искусства, музыку (акустический код), тактильную коммуникацию (осязательный код) и др. Описание «кинестической активности» человека приобретает в этой работе характер систематизации употребления жестов в различных ситуациях (жесты в речи, лекции, театре, пантомиме, немом кино), собственно паралингвистический подход перекрывается общесемиотическими задачами исследования кода (его словаря, грамматики), что выходит уже за рамки лингвистики.

выполнением ими двух функций: 1) функции подсобного элемента для достижения однозначности коммуникации в связи с обобщенным и полисемантическим характером собственно языковых имманентных средств, 2) функции компенсации элиминированных в реальном процессе коммуникации некоторых избыточных языковых средств.

В некотором отношении эти две функции могут рассматриваться как противоположные по той причине, что первая компенсирует эвентуальное отсутствие однозначности высказываний и в этом смысле как бы ограниченность самой структуры языка, а вторая функция компенсирует снятую языковую «избыточность» в некотором конкретном коммуникативном процессе. Здесь одно «снятие» уже предполагает соответствующую компенсацию. Динамика языка в живой коммуникации и состоит, видимо, в том, чтобы обеспечить в любой сфере однозначность высказывания как необходимое условие вербального общения и выбор того или иного неязыкового средства в конкретных условиях общения, т. е. привлечение паралингвистических средств.

В лингвистике, в принципе, накопилось достаточно наблюдений над функционированием языка, прежде всего, в условиях устного общения, на основании чего результаты этих наблюдений в дальнейшем были экстраполированы на язык в целом, в частности в вопросе о языковой избыточности. Возможно, что надежность передачи информации в вербальной форме как раз и требует этой избыточности, лежащей, судя по чисто теоретическим предположениям, в пределах 50%. В одной работе Р. Коудена утверждается, что около 90% предложений могут иметь неправильную структуру, а высказывание будет понятным⁹. Немецкий языковед Г. Грабанд допускает грамматическую избыточность для английского языка 75%, а для немецкого 66%. Естественным аргументом полноценности языкового общения в этих условиях является, безусловно, ссылка на контекст, ситуацию или вообще на любые паралингвистические факторы. По утверждению Г. Грабанда, английская фраза: *Passengers are not allowed to ride on the platform* может быть понята только при условии, если она будет прочтена на трафарете в английском автобусе¹⁰.

Во всех этих случаях речь идет о вербальном общении, но с учетом тех внешнеязыковых факторов, которые участвуют в формировании понимания высказывания. Вариативность динамического использования средств пара-и интралингвистики особенно разительна при анализе двух видов речевого общения — устной и письменной речи. Паралингвистические средства, как было сказано, всегда включаются в контекст, будь то в письменной или устной речи. Однако роль контекста, особенно в письменной речи, совершенно другая, так как контекст относится к чисто языковым средствам, и является своего рода расширением рамок слова или предложения в случаях, когда значение того или другого не может быть установлено в пределах минимальной замкнутой единицы. Контекст по своей структуре содержит чисто языковые данные, по которым читатель или слушатель получает конкретную информацию, содержащуюся в каком-либо многозначном элементе высказывания. Если контекст и является дополнительным средством для однозначной реализации коммуникации, то он, однако, не выходит за рамки языка и не может быть отнесен поэтому к паралингвистическим средствам. В письменной речи языковые ситуации строго фиксированы, что дает возможность при восприятии информации опираться на надежные показатели языковой структуры.

Чисто языковой контекст в предложении или в целом абзаце дает воз-

⁹ R. C o w d e n, *The inflexional forms in spoken English*, London, 1930.

¹⁰ G. G r a b a n d, *Betrachtungen zum Strukturalismus in der Sprachwissenschaft*, «Linguistics», 48, 1969.

возможность читателю восполнить информацию, используя дополнительные источники чисто вербального характера, другими словами — средства самой языковой системы. Так, предложение *В 17 часов забил фонтан* может быть однозначно воспринято в пределах чисто языкового окружения текстового контекста, в котором, например, содержалось указание по ключевым словам (буровая, нефтедобыча и т. д.) на безусловную связь с нефтью, в результате чего содержание вышеприведенной фразы ясно раскрывалось как «забил нефтяной фонтан». В лингвистическом плане определение лексемы *фонтан* получено здесь на основе лексического окружения (дистрибуции), но не в рамках непосредственного словосочетания, а опосредованно через связь предложений в пределах, скажем, абзаца, т. е. в пределах некоторого контекста. Распознавание значения этой фразы состоялось, таким образом, на основании языковых данных. В ином случае (без языкового контекста), например в устной форме, при наличии соответствующей предметной ситуации (митинг геологов, диалог на нефтеразработке, у нефтьевышек и т. д.) восприятие фразы опирается на неязыковые факторы, т. е. на паралингвистические обстоятельства, по которым слушающий делает умозаключения об истинном смысле высказывания.

В письменном языке, однако, определяющим фактором однозначной коммуникации могут быть не только сами языковые условия, но и такие факторы, участие которых в вербальном письменном общении обуславливается их же паралингвистической функцией. В письменной речи употребляются именно средства, которые не могут быть отнесены к интралингвистическим, хотя и являются контекстуальными. Они представляют собой пример внешних по отношению к языку указателей, которые будут относиться уже к области паралингвистики.

Таковыми указателями могут быть в первую очередь некоторые письменные знаки, обычно употребляемые в тексте в грамматической функции. К ним могут быть отнесены восклицательные знаки, многоточие, комбинации восклицательных и вопросительных знаков в паралингвистическом использовании. Сюда же должны быть отнесены различные изображения в тексте, как-то: рисунки, чертежи, графики и т. д.

Второй вид знаков, хотя и весьма специфичен, поскольку он не принадлежит к области грамматики, но его паралингвистическая роль в письменном языке несомненна. Причем использование первой группы знаков идет не по линии обычной пунктуации, т. е. чисто грамматического маркирования структуры высказывания, а по линии внешних символов, означающих некоторую дополнительную информацию для чтения и соответствующего понимания речевого высказывания. Так, сочетание восклицательных и вопросительных знаков после определенного слова, после некоторого словосочетания может давать паралингвистическую информацию, свидетельствующую о неправдоподобности сообщаемого, об «удовлетворении» и о различных оценочных моментах авторской речи.

К паралингвистической графике должны быть отнесены различного рода варианты красочного и шрифтового оформления текста. Особый шрифт или краска (например, в газете — заголовки в красках, крупный шрифт, курсив в тексте и т. д.) заставляют читателя присоединять к информации, непосредственно извлекаемой из высказывания, мысль о важности, срочности, опасности, безотлагательности некоторого действия. Например, вывеска на магазине: *магазину требуется РАБОЧИЙ* с особым написанием слова *рабочий* способствует точному пониманию высказывания (не просто «работник», «продавец», «кассир», а «рабочий»). Причем, вряд ли здесь шрифт выполняет функцию логического ударения — здесь фраза не имеет противительного значения («а не...»), и шрифт выполняет лишь вспомогательную функцию для правильного прочтения объявления.

Многозначность слова, употребление слов в основном значении декодируется лишь при наличии ясных паралингвистических признаков. Например, письменное объявление *Удлиненных детей забирайте не позднее 7 ч. вечера* легко (и даже без иронии) воспринимается в узко профессиональном значении — «дети, находящиеся на режиме продленного дня» — при условии, что это объявление подкреплено паралингвистической ситуацией — вывешено у входа, скажем, в школу или детский сад.

По сравнению с устной речью набор паралингвистических средств в тексте ограничен, что также вполне объяснимо тем простым обстоятельством, что письменная речь всегда достаточно пространна (мы говорим здесь о диалогической форме и других конструкциях) и по существу избыточна по набору языковых знаков.

При восприятии письменного текста получатель информации ограничен только узким каналом, а именно, письменными знаками сравнительно ограниченного набора. Эти условия и накладывают большие ограничения на использование паралингвистических средств в письменной речи. Ориентировка на текст исключает привлечение для этой информации каких-либо других параметров. Другое дело устная коммуникация в условиях реальной ситуации, в которых находятся говорящий и слушающий. Обилие посторонних факторов, включающих характеристику места, времени, набор окружающих предметов, деятельность говорящего и т. д., создает, в противовес письменной речи, безграничный простор для вовлечения всех этих обстоятельств в процесс коммуникации. В связи с тем, что начальным и естественным видом коммуникации является устная речь, использование паралингвистических средств, как было указано выше, не только приобрело большой размах, но и в результате длительного опыта человека дало возможность выработать стереотипы связи определенной структуры высказывания и паралингвистических маркеров.

Наиболее общим паралингвистическим средством устного общения является ситуация как совокупность реальных временных, пространственных и предметных условий, служащая как бы своеобразным тематическим индексом всей коммуникации (эту ситуацию надо четко отличать от понятия тематических контекстов в письменном языке).

Роль ситуации в устном общении сводится к тому, что она снимает все избыточные средства, которые в условиях письменного общения должны быть раскрыты в высказывании, а в устном общении зрительные и слуховые восприятия дают возможность без дополнительного разъяснения однозначно воспринимать информацию. Эти факты достаточно изучены и признаны. Сошлемся здесь на одно высказывание В. В. Виноградова: «В речевой общественной практике разговорного обмена мыслями, в связи с конкретной ситуацией, при наличии мимики и жестов как вспомогательных выразительных средств, при большой экспрессивной силе интонации формируются такие структурные типы предложений, в которых отсутствует словесное выражение каких-нибудь отдельных членов, ясных из контекста и ситуации». «Такие предложения, в словесной ткани которых „не хватает“ одного или нескольких членов, обычно называются неполными»¹¹. Примеров тому — бесчисленное множество. Приведем здесь только один характерный. Ситуация у кассы метро в Берлине не оставляет никаких сомнений в однозначности восполнения эллипсиса: *eine, dritter, Alex (bitte, eine Karte dritter Klasse, bis zum Alexanderplatz)*.

К совокупности зрительных и слуховых факторов паралингвистической ситуации должны быть отнесены предметы, природное окружение и

¹¹ В. В. Виноградов, Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения, ВЯ, 1954, 1, стр. 29.

др. Наряду с таким широким ситуационным паралингвистическим контекстом устное общение широко пользуется типизированными, как было указано выше, физическими проявлениями говорящего субъекта, направленными на ориентацию слушающего однозначно воспринимать исходящее высказывание. К этим средствам относятся прежде всего жесты и мимика. По обычно принятому определению к жестам относятся различного рода телодвижения, т. е. кинесика, а к мимике — состояние лица говорящего.

Необходимо сразу заметить, что и в этих средствах надо проводить разграничительную линию между жестами и мимикой, участвующими в процессе коммуникации, и между кинесикой, сопровождающей речь на чисто физическом и биологическом уровне.

Функционирование паралингвистических средств в языковой коммуникации детерминировано возможностью декодирования этих средств как маркеров однозначного восприятия информации, содержащейся в высказывании. Набор любых паралингвистических средств является не произвольным, а систематизированным и внутренне приспособленным к характеру вербального высказывания. Только эта связь словесной структуры и паралингвистической характеристики дает возможность декодировать каждый данный раз конкретное сообщение.

Естественно, что паралингвистические средства без возможности их интерпретации применительно к конкретному высказыванию остаются немимическим окружением — их значение есть их интерпретируемость по отношению к структуре языковой информации. Причем эти средства служат опорными пунктами для эвристического процесса построения некоторой цепи умственных действий по восполнению словесных элементов высказывания. Этот эвристический процесс вряд ли строится на каких-либо других основах, кроме логико-понятийных, свойственных человеческому мышлению вообще. Механизм декодирования заключается в опосредованном восприятии некоторого сообщения, проходящего по двум этапам. Первый этап составляет восприятие чисто словесной структуры. Второй этап представляет собой некоторую цепь умозаключений, нацеленных на восполнение элементов семантики, которые отсутствуют в словесной структуре.

Только после завершения построения некоторой цепи умозаключений словесная структура может быть воспринята однозначно, хотя, естественно, с некоторой задержкой (относительно) в получении информации. Рассмотрим, например, объявление на автомате по продаже газированной воды в форме *Юбилейные монеты не бросать*. На первом этапе восприятия эта словесная информация в изоляции от всех паралингвистических средств, основным из которых в данном случае является предметная ситуация (а именно место прикрепления трафарета), может быть понята в прямом смысле «не бросать на землю». Однако второй этап декодирования с учетом паралингвистической ситуации однозначно подает значение глагола *бросать*, а именно «опускать в монетоприемник». Зрительное восприятие предметной ситуации только на втором этапе, проходящем во времени практически мгновенно, явилось в данном случае той опорой для умозаключения, которая привела читающего к правильному пониманию данного объявления.

Принципиально тот же путь декодирования проходит любой субъект, воспринимающий устное сообщение, сопровождаемое жестами. Эллипсис словесной структуры *дай* при указании рукой, движением глаз на некоторый предмет есть, пожалуй, самый экономичный и оправданный способ построения высказывания, так как отсутствие дополнения в предложении мгновенно компенсируется умственным действием («... этот предмет...»).

Типизированные жесты, получившие в каком-либо обществе стандартную форму, приобретают тем самым довольно строгую паралингвистическую однозначность и вследствие этого как крайний случай выступают вне прямой связи с вербальной формой, а самостоятельно (например, движение головы — «да, нет»; жест руками — «не согласен, не верно» и т. д.). Требование однозначности резко суживает арсенал этих средств и не дает оснований вообще говорить о существовании некоторой самостоятельной, скажем, жестовой семиотической системы. Зачастую даже стереотипные жесты сопровождают словесное высказывание в форме междометий *ах, увы* и т. д., — получающих однозначное содержание при подкреплении соответствующим жестом. Такие немногочисленные стереотипные жесты образуют один из основных и наиболее употребительных типов паралингвистических средств как вспомогательных приемов вербальной (в любом случае и в конечном итоге) коммуникации. Естественно, что, в зависимости от характера паралингвистических средств, механизм декодирования может быть разный как по структуре умозаключения, так и по затрате времени для получения однозначного решения. Но, несмотря на разные структуры логического процесса восприятия информации, сам этот процесс является вторым логическим этапом речепонимания, что и характеризует собственно назначение паралингвистических средств как вспомогательных маркеров при передаче информации в условиях вербальной коммуникации.

Характер функционирования паралингвистических средств еще раз подтверждает то положение, что основой всякого высказывания является вербальная конструкция, трансформируемая в условиях реальной ситуации до пределов, которые разрешают те или иные типовые паралингвистические средства. Этот закон взаимодействия интра- и паралингвистических средств покоится на сочетании непосредственного и опосредованного восприятия информации, что создает условия безграничного варьирования словесных структур в живой коммуникации с использованием минимума языковых знаков для получения максимума эффекта информации.
